

ПРОБЛЕМЫ ТИПИКОНА НА ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ

На втором заседании отдела о *богослужении, проповедничестве и храме*, которое состоялось 5 сентября 1917 г., митрополит Евлогий (Георгиевский) сказал, что одной из основных задач отдела является “благоустройство важнейшей части церковной жизни — православного богослужения. Церковный устав в своем целом носит на себе печать глубокой идеи и представляет стройное целое, но мы знаем, как он исполняется в настоящее время в церквях. Иногда в исполнении устава получается нечто изуродованное на почве всевозможных его урезков и сокращений, полное отсутствие каких-либо руководящих начал. Отсюда замечается и повседневное разнообразие в применении устава и полный произвол в руководствовании им и полный беспорядок в церковном богослужении”. Кроме вопросов нормализации богослужебного устава Отдел должен рассмотреть вопросы, касающиеся церковной архитектуры, иконописания, богослужебного пения, литургического языка, домашней молитвы, проповеди и т. д. При обсуждении структуры работы Отдела и его регламента предлагается деление отдела на подотделы, которые будут выполнять всю предварительную работу. Председателем уставного подотдела становится архиепископ Симферопольский и Таврический Димитрий (Абашидзе). После двух заседаний подотдела 12 сентября проблема устава выносится на общее заседание Отдела. В этой связи, естественно, встает вопрос о пределах полномочий, то есть о том, имеет ли Отдел право изменять богослужебный устав. А.Ф. Пионткевич сформулировал эту проблему следующим образом: “Надлежит ли Собору касаться пересмотра долженствующего ныне действительного богослужебного устава, в действительности не соблюдаемого, или ограничиться увещанием о неуклонном его исполнении. С одной стороны, официальное изменение Собором устава вызовет в народных массах смущение и даже раскол, с другой же стороны, наблюдаемое почти повсеместно отступление от устава налагает на Собор обязанность принять соответствующие меры и указать на греховность сокращения церковных служб в объеме, граничащем с искажением сущности”.

Епископ Пермский и Соликамский Андроник (Никольский), ратуя за необходимость точного следования уставу, однако, полагает, что для приходских храмов “Собор должен определить: уставные сокращения должны простираться до таких-то и таких пределов. Если Собор примет настоящее предложение, то может быть образована комиссия из людей, сведущих в знании церковного устава, которая и укажет пределы возможных сокращений в церковно-богослужебном уставе”. По мнению священника Василия Беляева, разный устав для сельских и монастырских церквей может вызвать смущение, ибо и сейчас прихожане жалуются на то, что в приходских храмах служат не так, как в монастырских. По мнению В. Беляева необходим исполнимый устав, одинаковый для монастыря и для приходского храма.

Н.И. Знамировский указывает на то, что деяние Собора, предлагающее сокращение устава, будет болезненно воспринято многочисленными ревнителями уставного богослужения. Присоединяясь к предложению епископа Андроника о составлении от имени Собора послания, посвященного уставным сокращениям, Н.И. Знамировский говорит, что “это послание должно быть преисполнено всяческими похвалами полноте нашего богослужения, похвалами тем обителям и тем приходским церквям, где эта полнота по возможности блюдетя”.

На ближайших заседаниях в основном обсуждались проблемы проповедничества, о том, является ли проповедь необходимой составной частью богослужения или нет. Любопытным для нашей темы является идея архиепископа Антония (Храповицкого) о том, что богослужебный текст может быть предметом проповеди. “Священник часто теряется и не знает, о чем ему проповедовать. Надо сказать: возьми служебник и переводы его по-русски. Переводы *Иже Херувимы* — малопонятную песнь для молящихся. Говори о самых простых

вещах и изъясняй их смысл и значение. Это толкование богослужения будет умилительным и народ будет слушать с охотой, слушать без конца”.

На восьмом заседании Отдела, которое состоялось 10 октября 1917 г., были заслушаны три доклада, подготовленные членами уставного подотдела. Поскольку эти доклады легли в основу предложенных Отделом мер по упорядочению богослужебного устава, приводим их полностью.

Во вступительном слове И.А.Карабинов говорит, что он “ставит своей задачей дать историческую справку о происхождении церковного устава. При этом профессор делает оговорку, упоминая, что предлагаемый доклад далек от полноты и совершенства как по форме, так и по содержанию. Извиняющим автора может быть разве лишь то обстоятельство, что он не имел под руками при составлении доклада первоисточников. Новая книга по вопросам церковного устава профессора Дмитриевского была только лишь перелистана за краткостью времени докладчиком”.

Доклад проф. И.А.Карабинова

Карабинов Иван Алексеевич родился 15 октября 1878 г. в селе Федосеево Владимирской обл. в семье протоиерея. — год и место смерти неизвестны.

После семинарии учится у Д.П.Миртова в СПб. Духовной Академии, которую заканчивает в 1902 г. Профессор СПбДА. С научными целями путешествует по Святым местам. Посещает Иерусалим, Голгофу, Синай, Вифлеем, Рим.

С 1907 (?) член Комиссии по исправлению богослужебных книг.

После закрытия СПбДА работал архивариусом на Балтийском Судостроительном заводе. Вероятно, арестован в 30-х годах. Архив и библиотека погибли.

Главнейшими причинами, возбуждающими вопрос о реформе нашего богослужебного устава, именно в смысле сокращения богослужений, является: 1. продолжительность и сложность его последований; 2. несоответствие некоторых из этих последований или их частей задачам и назначению этих последований, вследствие изменившейся практики; и 3. и самое главное, монастырское происхождение нашего устава. Монашеский характер нашего типика удостоверяется как всем его содержанием, так и его заглавием: содержание почти всюду говорит об исполнителях богослужения — лицах монашеского звания, а в заглавии наш устав называется типиком *Во Иерусалиме святых Лавры преподобного и богоносного отца нашего Саввы*. В рукописных типиках с XIV в. помещается любопытное наставление, читающееся и в наших старопечатных уставах, о том, “*Чтобы настоятель со всем тицианием соблюдал и не опускал ничего находящегося в типике*”, где излагается такая генеалогия нашего типика: “*Церковное последование, чин и порядок установлены во свв. обителях и лаврах Евфимия Великого, Саввы Освященного, Феодосия Общежительного, Герасима на Иордане, Харитона Исповедника и Кириака Отшельника, которые взаимно перенимали это друг от друга как некое наследие, позднейшие от своих предшественников, подобно сыновьям от отцов... А чтобы при устной передаче и за давностью времени типик не пришел в забвение, подвижной божественной ревностью великий Патриарх Иерусалимский Софроний передал его последующим поколениям письменно. Когда же варвары сожгли святую лавру Саввы Великого и писание блаженного Софрония сделалось добычей огня богомудрый Иоанн Дамаскин, подобно трудолюбивой пчеле, собрал сладчайшие соты и мед священного отеческого предания — от того времени они хранятся и доселе во всяком роде*”.

Несмотря на ясное и категорическое заявление заглавия и содержания нашего типика об его палестинско-монашеском происхождении, такие заявления следует принимать с большими оговорками. Прежде всего наш устав далеко не однороден по своему источнику, его нельзя назвать чисто палестинским: это устав сводный, образовавшийся путем объединения двух богослужебных практик иерусалимской и константинопольской. Затем, ни один из этих двух источников не является строго монашеским, Константинопольские богослужебные обычаи, запечатлевающиеся в нашем типике, принадлежат великой

(соборной) церкви Константинополя — Св. Софии; палестинский же источник нашего устава в своей первооснове представляет собою богослужебные порядки тоже соборного храма города Иерусалима. т. е. храма Воскресения. Устав этого храма, по-видимому, первоначально перенят был иерусалимскими монахами, толпы которых наполнили Святой город уже в самое первое время после открытия иерусалимских святых мест при императоре Константине Великом, и которые принимали самое деятельное участие в тамошнем богослужении. В VI в. иерусалимский патриарх Св. Илия дал этим иерусалимским монахам некоторую организацию, устроив для них в Иерусалиме, недалеко от храма Воскресения, особый монастырь во имя Богородицы т. н. $\rho\omicron\upsilon\delta\eta$, † коего и сами монахи получили название Спудеев. Заимствовав богослужебное правило от храма Воскресения, Спудеи конечно должны были несколько увеличить его строгость применительно к своему монашескому укладу жизни. От Спудеев, быть может, устав храма Воскресения перешел в монашеские обители, когда-то изобиловавшие в окрестностях старого христианского Иерусалима, в том числе и в лавру Св. Саввы Освященного, а затем и в другие более отдаленные монастыри Палестины и Сирии.

Что такое заимствование Иерусалимского богослужебного устава даже палестинскими и притом ближайшими к Иерусалиму обителями происходило не в особенно отдаленную эпоху, свидетельствует, между прочим, тот факт, что до нас дошел древний часослов Лавры Св. Саввы: содержащиеся в нем чины суточных служб по своему составу и порядку далеко не совпадают с нашими службами, большая часть коих, вероятно, принадлежит храму св. Воскресения. Из Палестины с уставами вообще монашеского жития иерусалимский типик распространился и по другим местам древней Восточной Церкви, в том числе и в Константинопольском патриархате. Помимо более или менее целостного усвоения здешними монастырями иерусалимский типик отдельными своими элементами начинает просачиваться в богослужебную практику и мирских церквей константинопольской области. Любопытными показателями этого просачивания служат памятники устава в Константинопольской церкви. Древнейшие из них, IX—X вв. еще не содержат почти ни одного иерусалимского обычая, в памятниках X—XI вв. эти обычаи уже есть, но они большею частью единичны, в памятниках XI—XII вв. количество “иерусалимских обычаев” значительно увеличивается. Что же касается памятников XIII в., то из них часть уже предлагает совершителю богослужения на выбор отправлять его так, как заповедует о. Екклесиастис, или же как указывает $\tau\upsilon\delta\iota\omicron\tau\iota\varsigma$. В конце XIII века устав константинопольской Софии твердо соблюдался уже всего лишь в двух соборных храмах Салоник и Афин. Распространению иерусалимского устава в мирских церквях константинопольского округа, помимо великого влияния монастырей, много содействовали еще и некоторые особенности самого иерусалимского типака: *во-первых* у него были некоторые особенные, производящие сильное впечатление последования для выдающихся памятней, например, для Страстной седмицы (последование святых Страстей и часов Великого пятка); *во-вторых*, службы по иерусалимскому обычаю изобиловали разнообразными песнопениями в форме стихир, канонов и т. д., тогда как богослужение по константинопольскому чину первоначально употребляло церковные песнопения в очень ограниченной мере, например, константинопольский типик IX—X вв. знает еще почти одни тропари и акафист Богородице. <...> Думают затем, что распространению и утверждению иерусалимского устава в пределах Константинопольского патриархата весьма много содействовало взятие Константинополя крестоносцами в 1204 году. По мнению некоторых литургистов (начиная с блаженного Симеона Солунского) это событие, вызвавшее на время прекращение православного богослужения в константинопольской Софии, повлекло за собою вообще упадок константинопольского богослужебного ритуала как в столице, так и в провинциальных городах. По представлению этих литургистов окончательной победе иерусалимского устава над константинопольским много содействовала допускаемая первым сравнительная простота исполнения богослужения. В то время как константинопольский устав всюду всегда требует для совершения богослужения певцов, в богослужении по

иерусалимскому типу можно ограничиться просто чтением. Довольно верный относительно позднейшей богослужебной практики по иерусалимскому уставу этот взгляд ошибочен в отношении к старейшему его исполнению: древнее иерусалимское богослужение, подобно константинопольскому, все исполнялось певчески, о чем свидетельствуют даже позднейшие наши уставы, говорящие о пении шестопсалмия, кафизм и т. п. частей.

Указав троякий источник нашего богослужебного устава, можно далее в грубых чертах и с приблизительной точностью частнее наметить отдельные его элементы, относящиеся к каждому из указанных источников. В обширном и сложном содержании типика различаются следующие наиболее существенные его стороны или части: *во-первых*, круг последований суточного богослужения, *во-вторых*, богослужебный календарь, то есть системы богослужебных памятей неподвижных и переходящих, *в-третьих*, особенности в порядке богослужения отдельных памятей или целых богослужебных периодов, и, наконец, некоторые составные части богослужения, именно чтения (и прежде всего паремьи, апостольские и евангельские зачала) и песнопения (разумеется стихословие Псалтири и затем произведения христианских песнотворцев). Из перечисленных элементов в нашем богослужебном уставе на долю древнего святогробского типика приходится, во первых, главнейшие службы суточного круга, именно, последования утрени, вечерни, часов и, вероятно, повечерия. Все эти службы построены очень сходно и сравнительно просто: единство лежащей в основе их схемы затемняется позднейшими прибавками и осложнениями, а также допущенным уже издревле соединением нескольких совершавшихся рядом служб в одну. В наиболее чистом виде иерусалимская схема суточных служб выступает в последованиях часов: ее основу составляют три псалма. В последовании *вечерни* эта древняя схема осложнена прибавкой так называемого предначинательного псалма, то есть 103 — *“Благослови душе моя Господа”*. Старинная иерусалимская трехпсалмная основа — псалмы 140, 141 и 129, увеличенный прибавкой краткого псалма 116, в нашей богослужебной практике за исключением 2—3 первых стихов почти повсюду игнорируется. В чине утрени древнюю иерусалимскую схему трудно различить, на первый взгляд, вследствие того, что данная служба <...> образовавшаяся путем соединения двух служб: полуночной, основой которой является так называемое шестопсалмие, и утреней в собственном смысле, совершавшейся на заре при рассвете. Начало этой второй службы совпадает с хвалительными псалмами, от коих в нашем обычном богослужении фигурируют такие же небольшие обрывки, как и в псалмах вечерни. Тождество в построении древних иерусалимских вечерни и утрени особенно бросается в глаза, если мы возьмем наше будничное исполнение этих служб: единственным различием между ними окажется тогда едва ли не один лишь прокимен вечерни — <один из> древнейших стихов пасхальной службы. *Повечерие* в его древнейшем размере, то есть в последовании нашего великого повечерия, представляет собой соединение последований ночных часов. Его основу составляют первые 6 его псалмов, которые старинными памятниками иерусалимского устава называются — подобно утренним, или точнее полуночным 6 псалмам, тоже шестопсалмием. 12 псалмов этих двух шестопсалмий, по-видимому, составляют 12 псалмов дневных часов. Кроме чинов служб суточного круга в наш типик из древнего святогробского богослужебного ритуала перешли некоторые особенности богослужения отдельных памятей преимущественно дней Страстной седмицы и Пасхи (последование Святых Страстей и часов Великого пятка), небольшая часть апостольских и евангельских чтений (преимущественно опять-таки Страстной седмицы) затем устав стихословия Псалтири *“Устав о Псалтири, како глаголати во все лето”* *“писаны по повелению блаженного отца Ноя, епископа христоролюбивого великого града Тивериады, рукою Феодора, диакона Св. Воскресения Христова”*, *“псалмопение, как поем в святом храме Христа Бога нашего Воскресения”*, и, наконец, старейшие и лучшие песнопения для праздничных и вообще выдающихся памятей. В богослужебном календаре нашего устава прямые заимствования из древнего

святогробского типика указать трудно: наиболее выдающиеся иерусалимские памяти (например 13—14 сентября, 5 декабря) весьма рано вошли в константинопольский богослужебный календарь и перешли в наш типик чрез посредство последнего.

Из константинопольского устава в наш типик перешли, во-первых, богослужебный календарь, затем, расписание апостольских и евангельских зачал за небольшими исключениями, подбор праздничных паремий, некоторые песнопения, например, большая часть прокимнов, причастнов и тропарей и некоторые особенные гимны (херувимские песни), наконец особенности в порядке большинства праздничных дней, Константинопольский богослужебный строй несколько изменил порядок иерусалимских чинов утрени и вечерни: в наиболее чистом виде этот иерусалимский порядок выступает в нашем будничном богослужении, в праздничном он искажается несколько внесением сугубой ектеньи непосредственно вслед за вечерним и утренним гимнами, как она стояла в константинопольских чинах названных служб. Двояким источником нашего чина утрени объясняется тот несколько загадочный факт, что наш часослов содержит две различные версии утреннего чина: первая из них, праздничная, — константинопольская, вторая же, так называемая будничная, — иерусалимская.

Наиболее важные прибавки и осложнения, внесенные в наш строй богослужения монахами, суть следующие. В систему суточного круга ими вставлены были некоторые последования их келейного правила, каковы междочасия, полагающиеся нашим уставом в посты — Апостольский и Рождественский и в другие будничные дни года, когда поется *Аллилуиа*, затем полунощница и, наконец, так называемое последование изобразительных, являющееся чином причащения в келии или храме в том случае, когда не совершается литургия. Старинные списки так называемого иерусалимского устава или совсем не упоминают о междочасиях и полунощнице, или же говорят о них как о келейных последованиях и лишь типики, предназначавшиеся для общежительных монастырей, вводят их в расписание служб суточного круга, но всегда почти отличают их по значению от основных и древнейших служб суточного круга (утрени, вечерни и литургии) местом их совершения: в то время как для последних таким местом является храм, для первых обычно указывается его притвор, или предел, или какой-либо второстепенный монастырский храм (например, монашеская усыпальница, или, наконец, просто трапеза). Нужно заметить такое же различие для некоторых богослужебных мест проводится старинными типиками между перечисленными древнейшими службами и другими последованиями суточного круга также основными, но несколько более поздними по происхождению — часами и повечерием. Следы этого различия сохранились отчасти в предписаниях нашего типика отправлять в некоторые дни часы в притворе и твердо держатся в современной афонской богослужебной практике, где, за некоторыми исключениями, повечерие и часы совершаются в притворе. Затем, монашеское влияние в богослужебной стороне нашего типика, вероятно, сказалось в значительном усилении дисциплинарных предписаний о коленопреклонениях в будничные дни “егда поем *Аллилуиа*”. В современной богослужебной нашей практике действие типикарных правил о поклонах и *Аллилуиа* ограничивается лишь св. Четыредесятницей, но даже наш типик совершенно определенно предписывает применение этих правил в посты Апостольский, Рождественский и довольно ясно говорит о возможности такого применения и в остальное время богослужебного года. Древность так именно и поступала — распространяла данный устав на все дни, когда *типик* полагал петь *Аллилуиа*, даже и в непостные дни, за исключением Пятидесятницы и дней, окружающих великие праздники Рождества Христова и Богоявления. В старинном монашеском исполнении богослужение с *Аллилуиа* в значительной мере приближалось к домашнему или келейному, хотя оно совершалось и в храме, но священнослужители за ним не употребляли никаких священных одежд (за исключением, конечно, литургии) и не входили в алтарь. Количество великих или земных поклонов в нашей современной практике за богослужением с *Аллилуиа* значительно сокращено отчасти в позднейшее уже время, например, патриархом Никоном, пременившим

в 1653 г. под влиянием приезжих восточных иерархов своею “Памятью о поклонах” прежнюю правильную русскую практику: по старинному монашескому обычаю, не только все поклоны с молитвою Ефрема Сирина, но и во всех тех случаях, где устав богослужения с *Аллилуйи* говорит о поклонах или метаниях, нужно разуметь земные поклоны: все такие указания устава возникли, кажется, из стремления облегчить путем разложения на части то большое количество коленопреклонений, какое возлагалось на монахов в старину в праздничные дни; старинные, так например, иерусалимские уставы определяют это количество в 300 поклонов, поэтому и служба прямо с пением *Бог Господь*, являющаяся в нашей современной богослужебной практике чисто будничной, но отменяющая поклоны, для древнего монаха была праздничной. Далее, из монашеского богослужебного строя, вероятно, перешла в наш типик большая часть дополнительных всякого рода “особенностей”, так например всенощного бдения прототипом его было, несомненно, общехристианское пасхальное бдение, выродившееся в нашу великосубботнюю литургию; в IV в. в иерусалимском храме Св. Воскресения совершались еще чрезвычайные и также с участием всех христиан бдения Великого Пятка, послужившие основой для современного *Чина Святых Страстей*, и еще, быть может, бдение на Рождество Христово. В конце IV и начале V веков на Востоке, по свидетельству Кассиана, повсюду совершались бдения на воскресные дни, якобы в подражание апостолам, бдевшим в ночь Воскресения Христова, но в действительности, вероятно, просто по образцу пасхального бдения.

Описанный выше обычно сводный, как например иерусалимский типик, в своем историческом существовании имел не единственную лишь ту его строгую версию, которой пользуемся в настоящее время мы, но *несколько различных версий*. Одной из этих версий, значительно смягченной, является знаменитый Студийский типик: в отличие от спудской ветви иерусалимского устава, увеличивающего в праздничные дни объем и состав богослужения, Студийский устав, предназначенный для монашеского общежития, где братия была занята разнообразными довольно тяжелыми физическими работами, значительно сокращает его: например, Студийский устав не знает рядовых бдений, отменяет во все дни с *Бог Господь* часы и поклоны, сокращает повечерие и т.д. К Студийскому уставу в значительной мере примыкает старинный устав Святой Горы, в своем древнейшем виде являющийся, по-видимому, просто отраслью Студийского устава. Известна затем и другая старинная ветвь иерусалимского сводного устава, более строгая по сравнению со Студийским уставом, но несколько более мягкая, чем употребляемая теперь у нас версия, — такая ветвь дошла до нас в типике константинопольского Евергетидского монастыря, этот типик знает бдения, но несколько особой формы сравнительно с предписываемой нашим уставом: между вечерней и утреней там вставляется панихида — особое повечерие по образцу такой службы Великой константинопольской церкви с канонем Богородице. Затем данный устав указывает совершать часы в общем братском собрании лишь в посты Четыредесятницы, Апостольский и Рождественский (для последних двух постов — в притворе), в остальное время года эти службы поются по кельям, а в Пятидесятницу, кажется, совсем отменяются.

В настоящее время представляется совершенно невозможным проверить справедливость предания о первоначальных записях иерусалимского типика, сделанных будто бы святым патриархом иерусалимским Софронием и Иоанном Дамаскиным: древнейшие сохранившиеся до нас рукописи этого устава не восходят далее XII века. Затем мы имеем небольшие отрывки из древнего иерусалимского типика в сочинениях преподобного Никона Черногорца (конец XI в.), который получил этот типик от настоятеля Спасского монастыря в Лаодикии. Текст этих отрывков стоит очень близко и часто совпадает с текстом позднейших, например, иерусалимских типиков. Наконец, у нас есть известие, по-видимому, о сирском переводе типика святого Саввы X века. Дошедшие до нас рукописи иерусалимского устава содержат в себе несколько его версий, относящихся к разным местам и временам. и отличающихся между собою и в форме, и в порядке изложения, а отчасти и в самом

содержании применительно к назначению того или иного списка или версии: так намечаются довольно явственно редакции палестинская, синайская, святогорская и другие. Установить, лежит ли в основе данных редакций какой-либо общий источник в виде определенного текста или памятника, пока не удастся, так как такая работа требует долгого кропотливого изучения и сравнения весьма многочисленных рукописей иерусалимского типака, рассеянных по библиотекам Востока и Запада. Но для некоторых глав типака такой старинный письменный первоисточник можно предполагать с большою вероятностью ввиду того, что эти главы помещаются во всех списках иерусалимского устава и изложение их в различных списках очень сходно и нередко переходит в буквальное совпадение. Такими главами в нашем типике являются главы 2 и 9 о всеобщем бдении и о порядке суточного богослужения в будни. Весьма возможно, что в них переработан какой-либо оригинал палестинского происхождения.

До XV приблизительно века Русская Церковь руководилась в своем богослужении Студийским уставом. Переведенный по поручению преподобного Феодосия для его обители и распространившийся первоначально по монастырям, этот устав, по-видимому, скоро принят был и в мирских храмах древнерусской церкви. От XII века мы имеем список Студийского типака, правда несколько сокращенный и дополненный некоторыми богослужебными обычаями по уставу Великой Константинопольской церкви, изготовленный для Новгородской Софии тамошним архиепископом Климентом. Удерживая так долго Студийский типик, Русская Церковь в своем богослужебном развитии весьма сильно отставала от Греческой Церкви — там Студийский устав был, по-видимому, редким явлением уже в XIV веке и то в захолустных и окраинных местностях. Повсюду получала преобладание строгая версия иерусалимского устава, даже в самом Студийском монастыре. В начале XIV века старый иерусалимский типик переведен был сербским архиепископом Никодимом на славянский язык с греческого оригинала, полученного переводчиком из цареградского монастыря Предтечи, под коим с большою вероятностью подразумевают Студийскую обитель. В XIV же и начале XV веков появилось несколько переводов иерусалимского устава, сделанных русскими. Один из этих переводов, принадлежащий ученику преподобного Сергия преподобному Афанасию Высотскому, получил преобладание над другими переводами и с теми или иными изменениями и дополнениями перепечатывался в московских изданиях типака при первых пяти патриархах. Первое правленое издание типака, по сравнению с другими правлеными богослужебными книгами, появилось довольно поздно, уже при патриархе Иоакиме в 1682 году. Ставшее необходимым ввиду несоответствия прежних изданий устава новоправленным книгам, исправление типака было поручено патриархом (собором русских святителей) особой комиссией, составленной из опытных в уставе монахов во главе с лучшим справщиком — чудовским иноком *Евфимием*, учеником Епифания Славинецкого. Основой для правленого текста справщики взяли московское издание типака 1641 года, <осуществленное> при патриархе Иосифе. Источниками и пособиями для них <послужили> Филаретовское издание типака 1633 г., еще довольно близкое к чистой версии афанасьевского перевода, какой-то харатейный славянский список иерусалимского устава, вероятно из хранящихся в Московской Синодальной Библиотеке, анфологион (праздничная минея), изданная во Львове и правленная по греческим печатным изданиям, затем, новоправленные книги московской печати — октоих, триоди, служебник, часослов и псалтирь; из греческих источников справщики весьма много пользовались печатными венецианскими минеями, служащими почти образцом для месяцесловной части типака, <и> отчасти лишь опять-таки печатным уставом. После первой основной sprawy перебеленный экземпляр типака подвергнут был вторичному исправлению в той же комиссии справщиков. Затем эта вторая версия правленого типака читалась на соборе епископов и здесь в нее внесены новые поправки. Наконец, одобренная и скрепленная подписями членов собора третья версия правленого типака напечатана была в издании его 1682 г. Таким образом, наш типик является не просто

руководством к правильному совершению богослужения, но в известной мере и его законодательной нормой. В 1695 году вышло второе издание типика с новыми исправлениями, сделанными в соответствии с выпущенными в Москве за указанный промежуток времени правленными минеями. С незначительными изменениями издание 1695 года перепечатывается и доселе. Признать наш типик, несмотря на произведенные в нем исправления, свободным от дефектов далеко нельзя: находят ошибки в его переводах тропарей и кондаков, считают этот перевод даже ухудшением текста 1682 г., практики отмечают неполноту и неопределенность его предписаний; можно указать далее в нашем типике ошибочные мысли (об откровении глав), отступления от старинной практики (21 ноября), противоречия (полунощница Фомина понедельника) и проч. Так что новая проверка и исправление текста нашего устава представляется делом необходимым.

Нужно заметить, что Русская Церковь, усвоив в XIV и XV веках <...> иерусалимский типик, до конца XVII века исполняла его в рамках и обычаях прежнего своего Студийского устава. Так <например>, она совершенно почти не знала ни иерусалимских в строгом смысле, ни современных наших всенощных бдений. Некоторые монастыри совершали иногда всенощные бдения, но в порядке, напоминающем скорее евергетидские бдения. Эти бдения состояли из ряда ночных служб: вечерни, повечерия, полунощницы с канонами и утрени — иногда в этот ряд вставлялся еще и канон за творящих милостыню. Обычно же по монастырям и соборным храмам служились в свое время отдельно вечерня и утренья, не особенно часто совершались там и всенощные бдения по иерусалимскому уставу, но начинавшиеся около 12 и 1 <часа> ночи. Современные всенощные бдения появились в Московском Успенском Соборе по-видимому лишь при патриархе Никоне, едва ли не под киевским влиянием. Первоначально они совершались очень редко и начинались далеко не так рано как ныне — в 8 часов вечера. Такое позднее время для “совершения всенощных бдений” по крайней мере официально держалось в нашей богослужебной практике в XVIII и значительной части XIX века.

Из представленного беглого и сжатого обзора исторического прошлого нашего типика можно, думается, вывести следующие заключения, с которыми нельзя не считаться при реформе нашего богослужебного строя.

1. Действующий ныне у нас типик по своему происхождению не является чисто монашеским произведением.

2. Как сочетание двух весьма важных древних богослужебных традиций — церкви Константинопольской, нашей матери, и церкви Иерусалимской, имеющей общехристианское значение, славившейся своими богослужебными порядками еще в IV веке и оказавшей весьма сильное влияние на богослужение почти всех древних церквей, богослужебный строй, заповедуемый нашим типиком, имеет в общем большую ценность.

3. Пересмотр и проверка текста нашего типика по примеру исправлений 1682 и 1695 гг. необходимы.

4. В исполнении типикарной богослужебной нормы в храмах мирских можно сделать некоторые послабления, но при этом следует всячески остерегаться руководства исключительно практическими соображениями и символическими изъяснениями богослужения, так как эти точки зрения могут привести к искажению последнего, и необходимо считаться с первоначальными задачами и целью каждого последования и его историческим прошлым.

5. Ввиду того, что современная богослужебная практика нередко опускает в различных последованиях такие их части, которые с исторической точки зрения являются основными и существенными (например, вечерние и утренние хвалитные псалмы), следовало бы восстановить исполнение подобных частей.

Доклад проф. свящ. В.Д.Прилуцкого

О неурядках в современной богослужебной практике

Прилуцкий Василий Дмитриевич — род. в 1882 или 1883 г. В 1907 г. закончил КДА (ученик А.А. Димитриевского. Дипломная работа “Частное богослужение в Русской Церкви в XVI и перв. пол. XVII вв). 1906/1907 профессорский стипендиат. В 1907 защищает магистерскую диссертацию “Частное богослужение в Русской церкви в XII и перв. пол. XVII вв” Киев. 1912 С 1907 г (?) участвует в работе Комиссии по исправлению богослужебных книг. В 1908 г. занимает кафедру археологии (после А.А. Димитриевского). Рукоположен 31 октября 1910 г. Один из организаторов “идеальной всенощной”, которая состоялась 10 ноября 1912 г. в Святодуховской церкви Киевского братского монастыря

В 1913 г. экстраординарный профессор. В том же году занимает кафедру литургики. 1920 — один из немногих профессоров, продолжавших преподавание в КДА. Согласился преподавать на пастырских курсах, которые предполагалось открыть при Михайловском монастыре. О нем см. Б. Сове. “Русский Гоар и его школа”. — Богословские труды Сб. 4. М., 1968; Б.В. Сове. “Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX—XX веках”. — Богословские труды Сб. 5 М., 1970

Труды:

Рец. на. Литургия Св. Василия Великого. Вводные сведения

I. Греческий и славянский тексты

II. Заамвонные молитвы

III. Особенности литургии св. Иоанна Златоуста... Прот. М.И. Орлова. ТКДА, 1909 т. III ЛГ 5. С 136-144.

Слово на третью псалтирь. О крестоношении ТКДА. 1900, т. I. С 1—11 Оттиск Киев, 1909.

Рец. на: А.И.Успенский Очерки по истории русского искусства. М 1910. — ТКДА. 1910, т. III № 5. С. 403-409.

Слово в пяток третьей седмицы Великого поста при воспоминании Страстей Христовых. О грехе отречения от Христа. — ТКДА. 1911, т. I, № 4. С 503-511.

Частное богослужение в Русской Церкви в XVI и перв. пол. XVII вв. Киев. 1912

Слово в день памяти св.Иоанна Златоустого. — ТКДА 1913, т. I. С 1-9.

Слово в пяток третьей седмицы Великого поста при воспоминании Страстей Христовых. О христианском бодрствовании — ТКДА. 1913, т., I № 4. С 11-20.

Отзыв о сочинении Н.Н. Пальмова “Пострижение в монашество. Чины пострижения в монашество в Греческой Церкви. Историко-археологическое исследование”. — Извлечения 1915/1916 С 119-135.

При лечении болезни, прежде чем применять те или иные средства, необходимо бывает предварительно распознать самую болезнь, или, выражаясь языком медицинским, поставить диагноз болезни. Главная задача подотдела “о богослужебном уставе” — изыскание мер к упорядочению нашей богослужебной практики, урегулирование ее такими нормами, которые способствовали бы поднятию богослужения на надлежащую высоту. И в этом важном деле, прежде чем принимать те или иные средства, надлежит установить, в чем же, собственно, сказывается беспорядочность современной богослужебной практики, против чего должны направляться те или иные положительные меры. И здесь требуется своего рода диагноз.

На неурядки в нашем богослужении указывалось давно и много раз. Не мало пришлось выслушать горьких сетований по этому поводу и в собраниях нашего подотдела. Но высказываемые печатно или устно заявления о неурядках в богослужебной практике носят в большей части случайный характер и, кроме того, лишены более или менее твердых объективных оснований, а от этого подобные заявления не всегда даже согласуются одно с другим. То, что принимается одним за беспорядок, у другого получает иное освещение и наоборот. То же явление наблюдается и в практической деятельности самих совершителей богослужения, ревнующих об упорядочении церковных служб: принимаемые в этом направлении меры одним, вызывают отрицательное к себе отношение у другого и т. п. Причина всего этого, по нашему мнению, заключается в том, что как при суждениях об упорядочении церковных служб, так и при осуществлении разных мер к водворению богослужебного порядка руководствуются более личным вкусом, переживаемым

настроением, иногда даже воспоминаниями из светлой поры детства, и в то же время забывают об одном единственно твердом и непререкаемом критерии, именно, о нашем Церковном Уставе или Типиконе. Этот источник, по нашему мнению, и должен служить точкой отправления при суждениях о богослужебных нестроениях; только стоя на точке зрения Церковного Устава, можно рекомендовать и разные меры к улучшению наших богослужебных обычаев.

С постоянными обращениями к Типикону я и хотел бы сделать указания на те богослужебные нестроения, которые следовало бы иметь в виду нашему подотделу при определении мер к улучшению богослужебной практики. Не претендуя на исчерпывающую полноту, я хотел бы затронуть лишь самое общее.

а) Время совершения богослужения

Прежде изложения порядка той или иной церковной службы Типикон обычно указывает время ее начала. Указания эти имеют в виду характер и назначение службы, разные времена года, особенности группировки суточных последований в некоторые великие праздники и посты и, наконец, физические силы молящихся. Одни из этих указаний выражены путем описательным, другие через точное обозначение дневных или ночных часов по восточному исчислению. Указания первого рода чаще встречаются в первой (общей) части Устава, где дается общий порядок суточных, как праздничных, так и будничных служб. Вот некоторые из относящихся сюда Типиконных выражений: *Прежде солнечного захождения, По еже зйти солнцу мало, Прежде вечером мало, — В утрии* и некоторые другие. Употребляя такого рода выражения, Устав сообразуется с разной долготой дня и ночи в различные времена года. В месяцесловной и триодной частях Типика мы чаще встречаем обозначение времени начала служб через точное указание на часы: *при часе седьмом дне, О часе десятом ночи, В начале второго часа дня знаменуем в кампан* и т. п. В некоторых случаях Устав показывает и время окончания богослужения: *подобает же епископу и сие смотрети прилежно, да егда повечерия отпущут, быти знамению дне сиречь прежде сомрака* (понедельник 1-я седмица поста) или: *подобает же епископу имети опаство, да егда скончается литургия* (в Великую Субботу), *будет час яко второй ноци*. Что касается литургии, то Типикон определяет и время начала и время окончания ее, отводя на эту службу (как это ни странно) один час (см. 8 главу Типикона). Как видно, Церковный Устав, предоставляя некоторую свободу в определении времени для начала рядовых, как праздничных так и будничных служб, с большой настойчивостью берет под свой контроль время совершения богослужения в некоторые нарочитые праздники и преимущественно в посты. Почему так. Главным образом потому, что в такие праздники и посты суточные последования группируются иначе, чем как это бывает в обычное время, к тому же значительно, когда меняется и самый характер службы таких дней. Очевидно неустанное время для начала нарочитых праздничных последований не соответствовало бы самой идее таких последований, лишало бы их присущего им колорита. Принимаются при этом во внимание и физические силы молящихся. Так, в некоторые великие праздники Уставом предписывается совершать литургию порану — *труда ради бденнаго*. Так относится к богослужебным терминам наш Типикон, и что представляет из себя в этом отношении действующая практика? Мы не станем говорить об обычных службах суточного круга в будние и большую часть праздничных дней. То разнообразие, которое наблюдаем мы по разным храмам во времени начала вечерни и утрени, еще так или иначе может быть оправдано неопределенными указаниями Типикона. *Мало к вечеру*, или *Во утре*. И вечер и утро имеют по несколько часов и потому и начинать вечерние и утренние службы можно в разные часы.

Но мы решительно отказываемся подыскивать более или менее удовлетворительные объяснения тем нарушениям Устава, которые касаются времени начала службы в некоторые нарочитые праздники и в Великий пост. Из нарочитых праздников Типикон в этом отношении выделяет навечерия Рождества Христова и Богоявления. В эти праздничные дни

службы распределяются по часам дня и ночи в нашем Уставе так: в 8 часов утра (по восточному во 2-м часу дня) полагается начало т. н. царских часов, в 1 ч. дня (по восточному при часе 7-м) великая вечерня с литургией Василия Великого и, наконец, в 4 часу ночи (в 10 ч. ноши) великое повечерие с утреней. Что же мы видим в практике как городских так и сельских храмов? Обычно, в навечерия Рождества Христова и Крещения служба совершается в два, так сказать, приема: утром — часы, вечерня и литургия, вечером — повечерие с утреней. Важнейшая из этих служб — праздничная вечерня — отправляется около 9—10 часов утра, а иногда и того раньше. Если же навечерие названных праздников падает на субботу и воскресенье, то вечерня совершается тоже с литургией и совершается сразу после нее. Хотя по Уставу между этими двумя службами должен быть перерыв для вкушения пищи, *яко да не наречется пост*. И кто знает, не в этом ли нарушении Устава о времени начала для Рождественской, например, вечерни кроется одна из причин малоизвестности и малопосещаемости этой торжественнейшей в церковном круге службы. Мы как бы не хотим подчеркнуть ее необъятность во времени начала и тем самым низводим в разряд заурядных богослужений. То же следует сказать и о службах великопостных и в особенности о богослужении страстной седмицы. У нас нет единообразия во времени для начала даже таких выдающихся по своей духовной красоте и наиболее посещаемых Богомольцами богослужений, как вечерня Великой пятницы или Великосубботняя литургия. В кафедральных храмах и в некоторых обителях обе эти службы начинаются хотя <бы> приблизительно в уставное время. Но в приходских церквях, как городских так и сельских, в данных случаях руководствуются очевидно ложно понимаемым выражением: *“Якоже изволит настоятель”*, и начинают эти службы далеко не в уставное время. В некоторых храмах вечерня Великой пятницы служится сразу после часов задолго даже до полудня, а Великосубботняя литургия даже оканчивается за несколько часов до того времени, когда она должна по Уставу только начинаться.

На все эти беспорядки следует обратить внимание и принять меры к введению большего единообразия во времени начала таких выдающихся служб нашего круга. Пусть эти немногие службы начинаются в уставное время и пусть это делается так же строго охраняемо на практике, как это мы видим в отношении к Пасхальной, например, утрени.

б) Группировка церковных служб

Чинопоследования службы суточного круга редко совершаются в отдельности, но обычно соединяются в те или иные группы. В обычное время Устав придерживается одной системы, но в некоторых случаях отступает от нее. Такие отступления применяются Уставом опять-таки или для особо великих праздников или для постов. Очевидно, в данном разе церковный Устав имеет нарочитые цели: или подчеркнуть и усугубить величие праздника или содействовать проведению и исполнению своих предписаний о посте. Практика не всегда в данном отношении следует предписаниям Устава. Всем нам известны неуставные способы группировки службы в будние дни, а также во дни постов. Теперь не только в домовых церквях, но и в соборных, а иногда и в монастырях будничная утренняя соединяется с вечерней, что ослабляет разницу между буднями и праздником. Известно также, что подобное соединение допускается и в дни Великого поста, через что быть может ослабляется степень воздействия на душу молящихся великопостных служб.

Применяя различную группировку служб в зависимости от праздников и постов, Церковный Устав в иных случаях совершенно опускает некоторые церковные последования. Это прежде всего нужно сказать о полной литургии во дни Великого поста. Уставная отмена полной литургии для великопостных будних дней всецело зиждется на каноническом основании (Лаод. 49, и Трул. 52), тем не менее, известны случаи отступления и от этого предписываемого Уставом и канонами порядка. Подлежат периодической отмене и некоторые последования хелейного характера, как например, междочасия, повечерие, полунощница. Но первые из названных чинопоследований у нас почти нигде не совершаются, а Устав о дальнейших не соблюдается в точности.

в) О строе службы.

Для усиления значения поста в жизни христианина наш богослужебный строй для постных дней назначает службы, выделяющиеся своими особенностями. Наиболее заметные из них это пение *аллилуиа* и поклоны с молитвою Ефрема Сирина. На практике эти особенности блюдутся в отношении лишь великопостного богослужения, Службы других постов у нас ничем уже не отличаются от обычных, хотя по Уставу и эти службы имеют отличия, приближающие их к великопостному богослужению. Нам нигде не приходилось слышать богослужение с “аллилуиа” и молитвою Ефрема Сирина в будние дни Филиппова и Петровского постов. Многие даже и не подозревают, почему на некоторые числа ноября и декабря положены первыми стихиры Богородице, и иногда поют эти стихиры, не применяя других положенных по Уставу особенностей для таких служб. И кто знает, не через это ли опущение уставных требований посты Филиппов и Петровский нарушаются у нас с большей легкостью, чем режим великопостный.

г) Местонахождения священнослужителей при отправлении некоторых служб

При всех службах местом стояния священника и диакона у нас является алтарь. Сюда приходят священнослужители еще перед началом богослужения и остаются здесь во все время его совершения, исходя лишь для произнесения ектений, каждения и для так называемых входов. Между тем, по Церковному Уставу алтарь оказывается местом постоянного пребывания священника лишь при совершении литургии. В отношении к прочим службам алтарь для священника своего рода святое святых, куда он входит лишь несколько раз для совершения тех и.п.и иных священнодействий. Так, на всенощном бдении священник входит в алтарь не более, кажется, шести раз, на будничной же вечерни всего лишь один раз и 2 раза на будничной утрени. Такие же службы как часы (в отдельности от литургии), полунощница и повечерие совершенно и не предполагают входа священнослужителей в алтарь. Такое местостояние священника за богослужением, имея за собою исторические основания, проникнуто и глубокой идеей. Священник входит в алтарь как дерзновенный ходатай за предстоящих в церкви или с кадиллом для воздаяния чести святыням алтаря, или в такие моменты службы, какие являются молитвенными по преимуществу. Сравним нашу практику с Уставом и увидим ее полное несоответствие с ним.

д) Сокращение Устава.

Самым ярким и наиболее чувствительным нарушением Устава в современной практике является его сокращение. Сокращение богослужебного устава, в своей основе вызванное, конечно, необходимостью, сделалось теперь явлением как бы даже законным, своего рода обычным правом. Такого рода сокращения не только не вызывают какого-либо соблазна, но едва ли для большинства даже самих совершителей богослужения и заметны.

Для некоторых же сокращений имеется к тому же некоторое основание в узаконенных высшею властью церковно-певческих сборниках или так называемых обиходах. О сокращениях этого рода мы подробно говорили в одном из предшествующих своих докладов, теперь же сделаем лишь некоторые общие упоминания. Таковы, например, пение вместо всего предначинательного псалма на бдении 4 или 6 стихов из него; пение из 6-ти стихов первого антифона первой кафизмы; чтение, а не пение, двух прочих антифонов той же кафизмы; пение двух первых стихов с припевом: *Услыши мя Господи* из так называемых возванных вечерних псалмов, вместо исполнения их в целом виде; постоянная замена 17-ой кафизмы на утрени полиелейными псалмами <и>, в свою очередь, сведение этих псалмов к четырем <первым> стихам; замена библейских песен канона припевами и чтение, <а не> пение канонных тропарей, опущение 2-й литии в конце бдения. Все это такие сокращения, которые сделались как бы уже законными. Наоборот, приближение к Уставу в неречисленных случаях показалось бы чем-то необычным и могло бы теперь показаться каким-то противоуставным новшеством. Замена, например, на некоторых бдениях пения полиелейных псалмов уставным исполнением 17-й кафизмы. Такое деяние, в лучшем случае, вызовет недоумение, а со стороны некоторых пожалуй можно услышать даже и протест.

К подобного рода отступлениям от Устава следует отнести и изъятие из богослужения Святоотеческих чтений. При нашем современном объеме бдения и других служб введение таких чтений в полном их комплекте свело бы наши службы почти к сплошному и редко прерываемому пению молитв и слушанию этих поучений. Обходя указанного характера отступления от Устава, остановимся лишь на таких нарушениях его, которые собственно суть нарушения самой практики, нарушения своего рода богослужебного минимума освященного обычая. Для удобства распределим этого рода сокращения Устава по двум рубрикам: а) сокращения, касающиеся неизменяемых частей богослужения и б) сокращения изменяющихся составных частей его.

Первые сокращения менее значительны по объему и применяются не так часто и не так, скажем, смело, как вторые. Так, в последовании вечерни такие сокращения едва даже и заметны: неизменяющиеся части ее хотя конспективно и путем обозначения, но исполняются почти все. Наиболее заметным опущением можно считать пропуск литии на вечерне, соединяемой с утреней в бдении, и пропуск 33 псалма. На утрени постоянные составные части ее подвергаются большему сокращению. Так, весьма нередко сокращение шестопсалмия (этого ядра утренней службы в историческом отношении), пропуск псалма 50-го, сокращение до 2-х первых стихов хвалитных псалмов и нечто другое. На службах келейного характера (часах, полунощницы и повечерии) нередки пропуски целых псалмов. Особенно это нужно сказать о великом повечерии.

В сокращении изменяющихся частей суточных служб наблюдается уже большая свобода. Здесь безжалостно опускаются многие частности, притом такие, которые оказываются первостепенными или по своей древности, или по высоте заключенной в них поэзии. Иногда опускаются такие песнопения, в которых, говоря без преувеличения, выражена вся суть праздника, и что важнее всего, в сжатых, но ярких образах указано нравственное значение воспоминаемого священного события. В зависимости от неумолимого и ничем неограждаемого сокращения праздничных песнопений и вообще изменяющихся частей служб стоит тот печальный факт, что наши службы совершенно обесцвечены, лишены идейности праздников, чересчур подведены под какой-то общий шаблон. Воскресные службы — это 8 самостоятельных, значительно разнящихся одна от другой поэм в честь страдания и воскресения Господня. Но при нашем отношении к Октоиху такого впечатления от воскресных служб не получается. Воскресные бдения — это до утомительности похожие одна на другую службы. Только некоторые из богомольцев чуть-чуть улавливают разницу между воскресными бдениями, да и то не по содержанию их, а скорее по песенной стороне, по изменяющимся гласам. То же следует сказать и о праздничных службах. Через пропуск праздничных стихов <...> кондаков характер праздничных бдений значительно ослабляется и праздничные бдения становятся похожими на обычные воскресные.

В порядке числа служб пропуски изменяющихся частей можно отметить так:

Сокращение Стихир на Господи Воззвах иногда до одной, причем вместо пения стихир допускается чтение их.

Совершенное игнорирование стихир из миней в воскресные дни, когда в минее нет нарочитого праздника.

Полная беспорядочность в соединении стихир при совпадении памятей.

Пропуск славников, тогда как последнего рода стихиры оказываются по своему этическому характеру полнее других песнопений освещающими историю праздника.

Сокращение повторения великих прокимнов или пение их по образцу обычных.

Пропуск паримий на полиелейных службах, особенно при соединении их с воскресными.

Пропуск стихир стиховен и игнорирование соответствия богородичных со славниками.

Однократное или двукратное пение тропаря в конце вечерни на бдении.

Сокращенное в смысле количественном и неправильное в порядке следования пение тропарей на *Бог Господь*.

Почти полное игнорирование седальнов. В лучшем случае чтение их вместо песенного

исполнения (По своему значению седальны почти одинаковы с тропарями).

Сокращенное пение тропарей по Непорочных на воскресных бдениях и сокращение стихов избранных псалмов в праздники до одного или двух. Последнего рода сокращение представляется даже малопонятным.: длительность пения величаний у нас сообразуется со временем, потребным для каждения всего храма. При обширных храмах певцы растягивают пение величаний до утомительности, однако почему-то не хотят спеть лишний стих.

Пропуск воскресных антифонов. В некоторых храмах поют, впрочем, три первые стиха. Между тем, степенны антифоны — один из трогательнейших церковных песнопений с библейским оттенком.

Всем известное сокращение канонов книг в отношении ирмосов (однократное вместо, по большей части двукратного, пение их), так в отношении промежуточных песнопений между 3 и 6 песнями. Пение 3-их и 4 ирмосов катавасии в праздники и игнорирование уставных указаний о ее смене.

Пропуск эксапостилариев и светильнов. Или полный пропуск, или значительное сокращение стихир на Хвалитех и Стиховных, в том числе на воскресных бдениях пропуск стихиры евангельской. Непонятная свобода в выборе стихиры на *и ныне* пред Великим славословием.

Пропуск тропаря и богородична его или только последнего по Великом славословии.

Свободное отношение к соединению двух тропарей, а также <...> тропарей и кондаков на часах.

На Литургии

Почти полное игнорирование антифонов *по вся дни*.

Сокращение праздничных антифонов до двух стихов.

Сокращение блаженн и полное игнорирование стихов к ним или тропарей от канонов.

Беспорядочное исполнение тропарей и кондаков по входе.

Пропуск аллилуария.

Игнорирование Уставных указаний о соединении апостольских и евангельских чтений на литургии при совпадении памятей.

Неправильное произношение отпустов в конце литургии, равно как и в конце других служб.

е) Добавочные части.

Сокращая число служб, практика наша иногда осложняет их добавочными частями. Наиболее частое применение добавочных частей мы слышим при поминовении усопших. Отводя из седмицы Субботу, как преимущественный день для совершения моления об усопших, Церковный Устав и в прочие будние дни назначает краткие молитвословия и песнопения за умерших, молитвы на полунощнице; <...> тропарь и кондак. Но есть дни праздничные, когда Уставом запрещается поминовение умерших. Наша практика не хочет знать этого: мы не только слышим ектеньи на литургии в каждый праздник, но можем указать и случаи заупокойных канонов на воскресных утрнях.

Доклад профессора Б.А. Тураева

Тураев Борис Александрович (1868—1920) — египтолог, историк коптской и эфиопской церкви. Основатель российской школы изучения древних цивилизаций Ближнего Востока, академик Российской Академии наук (1918), член Предсоборного совета, составитель *Чина диаконского отпевания* и (совместно с иером Афанасием (Сахаровым) *Службы Всем Святым в земле Российской просиявших*. Биографические данные и список трудов см. *Древний Восток. Сборник 2. Памяти академика Б.А. Тураева. М, 1980.*

Сообщая предание о литургической деятельности св. Василия Великого, патриарх Прокл выражается следующим образом: “Замечая леность и небрежность людей, тяготившихся продолжительностью литургии, Василий Великий, сам хотя и не считал ее содержащей что-либо излишнее, но, чтобы отнять у небрежных повод тяготиться, передал

пронзосить ее более кратким способом, пользуясь сим как врачевным средством...¹” Таким образом церковное предание усвоет св. Василию Великому, а за ним и Златоусту уступки немощам их современников в самой дорогой и священной части богослужения — Божественной литургии и притом в то время, когда религиозная жизнь была неизмеримо живее и интенсивнее, чем теперь; когда обычная жизнь была не столь сложна и мирские обязанности не столь многообразны. И в наше далеко не церковное время замечается леность и небрежность уже не только среди мирян, но и среди самих священнослужителей, тяготящихся продолжительностью, правда не литургии, а прочих служб дневного круга; от их небрежения и проистекают в значительной степени те отклонения для церковного устава, которые были только что указаны. Пример великих вселенских учителей и святителей дает право и Поместному Собору, снисходя к немощи своих современников, сделать ряд указаний и разъяснений для упорядочения того более краткого образа отправления богослужения, каковой ныне наблюдается в приходских храмах, будучи чужд единообразия, порядка и духа церковного устава. История богослужения и церковный устав знают не один пример сокращений и упрощений. Разве не ими обусловлено сокращение от ушей предстоящих прекрасных слов утренних и вечерних молитв. Дивные кондаки и икосы Романа Сладкопевца и иных творцов ныне представлены вместо цельных композиций лишь первыми своими строфами, нередко выдающими свое происхождение недоговоренностью и незаконченностью. И церковный устав не назначил кафизмы для недели вечера и предписывает опускать кафизму на вечерни после бдения труда ради бденного, как он делает это для Великого канона <читаемого в четверг>, назначая вместо трех одну кафизму и меняя для этого все расписание чтения Псалтири. “Труда ради бденного” литургии во дни св. Пасхи, Рождества, Богоявления и Антипасхи служатся “*порану*”, а не в то время, которое предписывается восьмой главой Типикона. В понедельник 1 седмицы Великого поста к утрени “*знаменует коснее, вечерняго ради утешения*”. Не будем распространяться о тех случаях, когда устав предписывает то или другое песнопение исполнять “*поскору*”, “*без пения*” и т.п., но вспомним, что и Студийский устав делал подобные же и еще большие уступки немощи, например освобождая от часов и иногда от кафизм праздников (так называемые *ἡ τῶν ὧρων*). Настоящий Поместный Собор уже вступил на этот путь. В чине Молебного пения о спасении Державы Российской, совершенном его членами, в его присутствии и всенародном на Лобном месте в день Воздвижения Честнаго Креста, мы впервые вместо канона не только услышали, но и увидели напечатанными “*Запевы*”. Этим как бы получил санкцию укоренившийся у нас непохвальный обычай ограничиваться на молебнах вместо канона запевами. Нельзя не скорбеть об этом уже и ввиду того, что в этой же палате перед тем было принято предложение об уставности богослужений, совершаемых от имени Собора, причем были особенно подчеркнуты каноны на молебнах.

Проект руководственных указаний для применения церковного устава к практике приходских храмов.

1. Представляется возможным в дни праздничные, имеющие Славословие великое начинать литургию непосредственно после него, опуская обе ектеньи и часы, как это введено в современной греческой и румынской практике. Опускание часов, как это отметил в своем

¹ Этот пассаж вызвал возражения И.А. Карабинова: “Мне кажется неудобным в обоснование необходимости послабления Типика для приходских храмов сослаться на пример свв. Василия Великого и Иоанна Златоуста, якобы сокращавших чин литургии, так как содержащее данное известие *Слово о предании Божественной Литургии*, приписываемое патриарху Проклу, в действительности этому автору не принадлежит и совершенно не подтверждается древними греческими рукописями наших литургий: эти списки говорят лишь о том, что названные отцы не составили полного чина литургии, а написали для нее лишь несколько главных молитв. Лучше в данном случае сослаться на пример преп. Феодора Студита, который допустил значительные послабления в строгом палестинском уставе для своей обители, где условия монашеской жизни приближались к мирской жизни, так как ее братия занята была многими довольно тяжелыми физическими работами”.

докладе И.А. Карабинов, “вполне приемлемо с историко-литургической точки зрения”, так как для великих дней, когда пелось *Бог Господь*, оно было принято в Студийском уставе. В русской практике оно может найти себе оправдание и в весьма распространенном обыкновении служения ранних и поздних литургий — часы будут вычитаны пред поздней литургией.

2. Полунощница как служба монастырская по преимуществу может быть совершенно опускаема, и утренняя может начинаться с возгласа *Слава Святей* с опущением 19 и 20 псалмов и примыкающих к ним. Воскресная же полунощница, где не бывает бдения, должна быть сохранена, служению ее по Киевскому чину желательно дать возможно широкое распространение.

3. Первый час как дневная служба не должен читаться с вечера и опускается после всенощного бдения. На бдении с литией можно опускать на вечерни сугубую ектенью, на утрене вместо молитвы *Спаси Боже люди Твоя* можно ограничиться ее концом *Молим Тя*.

4. Последовательное чтение Псалтири должно быть удержано, как общее всему христианскому миру, но вместо кафизмы за единицу деления может быть принята Слава. Выделив первый антифон 1 кафизмы для навечерий воскресных и праздничных дней, 17 кафизму — для утра к субботе, 18 для вечере с понедельника по пятницам 3 псалма, ежедневно остальную часть Псалтири можно вычитывать по Славе или по две Славы на утренях в последовательном порядке. На утренях великих праздников можно рядовую Славу заменять особыми праздничными псалмами, как это имело место в уставе Великой Церкви, и отчасти по итальянским спискам Студийского устава, желательно эти праздничные псалмы петь антифонно, Из рядовых Слав можно исключать псалмы, употребляемые в ежедневном неизменяемом богослужении. Седальны, хотя бы по одному, следует петь. Во святую Четыредесятницу ежедневно вычитываются 4 или 5 Слав на утрени и часах. В церквах домовых и иных, где великия ради нужды богослужение не совершается ежедневно, Псалтирь вычитывается по Славам в последовательном порядке вся, без выделения 17 и 18 кафизм.

5. Чтения, песнопения и молитвословия обеих Триодей (исключая службы минейного характера) не подлежат никакому сокращению, но могут (кроме канона Св. Пасхи) исполняться без повторений (“*колько их есть*”). В воскресные дни Пентикостария, когда полагается петь пасхальный канон, можно ограничиться полным исполнением его с богородичными и опустить канон недели, который будет читаться в последующие дни.

6. Не подлежат сокращению и службы двенадцатых праздников (также исполняемые без повторений) от предпразднества до отдания, а также службы недель, окружающих Рождество Христово.

7. Тоже предписывается и для службы дня храма. На вечерне этого дня должно быть, по уставу, отдание, а по субботам на утрени — канон храму.

8. Октоих поется с минеей и в воскресные, и в простые дни. Из каждого рода стихир (воскресных, “восточных”, минейных, стиховных, хвалитных обоего рода, повседневных, блаженных) следует петь не менее двух, не считая *Слава и ныне*. Из каждого канона должен быть прочтен по крайней мере один тропарь. В воскресные дни впрочем можно ограничиться чтением всех тропарей воскресного канона и одним или двумя (если два канона) — из минеи. Крестовоскресный и богородичный каноны могут быть отнесены на вечер воскресенья. Кондаки по 6-й песне следует петь всегда, отнюдь не должно опускать ексапостилариев и стихир евангельских.

9. Положенные по уставу полиелеи должны соблюдаться. Из русских памятней полиелейная служба обязательна для дней св. равноапостольного князя Владимира, свв. Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского, Святителей Московских. Род службы во дни других русских святых предоставляется усмотрению настоятеля. Во всех случаях службы русским святым должны петься вместе с вселенскими того дня, соединяясь, в будние дни, как служба св. княгине Ольге со службой св. муч. Евфимии, для

полиелейных — как служба св. Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову со службой св. Арсению Великому, или, как указано в уставе для 8 июля. Тому же порядку следуют русские Богородичные праздники, а также день 9 мая, в который наша современная практика совершенно опускает службу св. пророк Исаии.

10. На часах во св. Четырдесятницу возможно чтение или пение поочередно, по дням по одному псалму на каждом часе с прибавлением рядовой части Псалтири. Молитвы часов может читать священник только *Христе, Свете истинный* на 1 часе и *Всемогущего и Животворящего* на воскресной полунощнице. Песни пророческие в Великий пост исполняются во всех приходских храмах по уставу.

11. Акафисты, кроме будничного, не должны вставляться во всенощное бдение, но могут составлять особую службу <нрзб.> суточного круга, но лучше заменять их древними кондаками с икосами св. Романа Сладкопевца и иных. Возрождение употребления этих дивных творений, имеющих и в славянских переводах, послужит к подъему настроения молящихся. Например, икосы на Рождество Христово в новом славянском переводе Мироносицкого могли бы читаться за всенощным бдением и, во всяком случае, после вечерни первого дня или за утреней второго.

12. На литургии следует исполнять уставы относительно пения изобразительных или повседневных антифонов (глава 21 “*О еже когда глаголются изобразительны и когда антифоны*”).

Время совершения служб, предписанное уставом, не всегда выполнимо в условиях мирского быта. Во всяком случае бдения следует начинать возможно позже. Часы с вечерней во св. Четырдесятницу не следует начинать раньше 11 часов. Служение утрень с вечера, кроме бдений, а также вечерен с утра должно быть навсегда и повсеместно прекращено.

Для оживления богослужения может служить широкое развитие общего пения. Молящихся следует располагать к пению стихир, ирмосов и т. п. попеременно с певцами. Вместо прежнего беспорядочного и произвольного чтения Псалтири ныне вводится облегченное планомерное исполнение этой святой книги. Желательно ввести пение, по возможности антифонное, этих немногих, приходящихся на каждую службу псалмов. Вечером великих праздников, когда положена великая вечерня, предлагается петь антифонно псалом девятого часа, а также 140 и следующие псалмы вечерни полностью. Последние можно петь и в воскресные дни вечером. После вечерни в воскресенье полезно служить молебен с канонами Крестовоскресным и Богородичным и с чтением Евангельских зачал, положенных на литургиях в наступающую седмицу. Таким путем может быть выполнен годовой круг евангельских чтений и в тех храмах, где по великой нужде не совершается ежедневная служба. Это чтение, равно как и каноны, могло бы быть исполнено и на повечерии (сравн. древние панихиды). В тех храмах, где служба совершается ежедневно, дневные апостолы и евангельские чтения не должны заменяться заукойными или минейными, а непременно должны вычитываться согласно уставу. Заукойные и иные могут следовать за ними. Перед евангельским чтением аллилуарий должен исполняться троекратным пением *аллилуиа*. И тропари на литургии не должны, как это замечается ныне во многих местах, заменяться пением заукойного кондака. Вообще же поминовение усопших на ектенях допустимо только в будние дни и за ранними литургиями в воскресные, причем его необходимо перенести на конец литургии: после *Благословения Господня на вас* тропари *Со духи праведных* и произносить заукойную ектеню. Повсеместно в конце литургии или после нее следует раздавать антидор при пении или чтении 33-го псалма.

После приведенного выше доклада оглашаются подготовленные уставным подотделом тезисы, корректировке и дополнению которых будет посвящено несколько последующих заседаний:

1. Ныне действующий богослужебный устав слагался на протяжении почти четырнадцати

веков истории христианской церкви. Отражая в себе богослужебные порядки разных эпох и различных местностей, современный Типикон есть однако устав по существу монастырский. Как таковой он является наиболее исчерпывающей по полноте богослужебной нормой, как бы стремящейся осуществить во внешней обстановке апостольскую заповедь о непрестанной молитве.

2. Как норма идеальная, устав не всегда и не везде может быть выполняем во всех своих подробностях.

3. Монастыри неуклонно следуют действующему уставу во всей полноте, так как владеют наличием средств к этому. Уставное, в собственном смысле монастырское, богослужение соответствует главной и изначальной задаче иночества — пребывать в непрестанном молитвенном подвиге, даст почувствовать сладость этого подвига и приходящим в монастырь мирянам и явится через то самым величайшим миссионерским средством. В собственно приходских храмах устав сообразно средствам выполняется с сокращениями.

5. Поместный Собор полномочен произвести пересмотр Устава в видах применения его к средствам приходских храмов. Для сей цели Собором учреждается особая комиссия.

6. Настоящим Собором подобное деяние выполнено быть не может.

Но для упорядочения богослужебной практики Поместный Собор издает определение, в коем:

а) Напоминает чадам Православной церкви великое значение богослужебного устава;

б) Обличает те беспорядки, которые вызваны небрежением к нему;

в) Преподает руководственные указания, дающие обязательный для приходских храмов уставной минимум.

7. Для домашних церквей возможно преподать особые указания.

8. Наряду с этим принимаются меры к оживлению нашего богослужения, между прочим, и участием в нем молящихся.

В связи с этими тезисами митрополит Евлогий подчеркивает, что серьезная переработка устава во всех деталях желательна, но в настоящее время² для Собора невозможна. Но Собор должен создать и узаконить комиссию, которая исполнила бы это дело к следующему Собору.

“Во время последовавших за сим общих прений высказаны пожелания, чтобы установлено было однообразное время для начала церковных служб и чтобы дана была богомольцам-прихожанам возможность хорошо слышать, понимать и настраиваться богослужением (генерал Артамонов), чтобы оно не содержало в себе мертвых моментов и, хотя бы путем сокращений и изменений, но стало бы живым, организованным и действующим через настоящее церковное чтение и пение (о. Марина) и чтобы, в целях предпочтения важнейших мест церковных служб менее важным — комиссией, которая должна возникнуть по постановлению соборному, были пересмотрены последования подвижных дней и отмечены условными знаками самые центральные по духу празднуемых событий молитвы, чтения и песнопения, содержащие в себе богатый богословско-учительный материал для преподавания не в церкви только, но и в школе (Вл. Вас. Успенский); и, наконец, чтобы обращено было внимание на упорядочение церковного благовеста-звона (Вас. Конст. Лебедев)”

Обсуждение проблем Типикона было продолжено на девятом заседании отдела, которое состоялось 12 октября 1917 г. На этом заседании прот. Чельцовым была высказана мысль о том, что усталость молящихся часто вызывается не чрезмерной продолжительностью богослужения, а невразумительностью его совершения. Проф. Кудрявцев предлагает разрешить служение литургии при открытых царских вратах, читать Евангелие посреди храма, а также “объявить, чтобы гласного поминовения по праздникам и воскресным дням не совершать”. Вносятся и другие предложения.

² и, — добавляет Д.В. Прилуцкий, — при теперешних материалах

Митрополит Евлогий говорит о необходимости выбрать докладчиков для пленарного заседания Собора по вопросу об Уставе и предлагает в качестве таковых профессоров И.А. Карабинова, В.Д. Прилуцкого и Б.А. Тураева, которые весьма неохотно соглашались. “В.Д. Прилуцкий говорит, что он может, как и другие профессора-докладчики, разъяснять вопросы, возникающие здесь в отделе. От доклада же в общем заседании Собора он отказывается. — Решительно отказываюсь и я, присовокупляет И.А. Карабинов. Д.В. Прилуцкий выражает согласие быть докладчиком на Соборе в том случае, когда на то же согласятся Карабинов и Тураев <...>. Председатель заявляет из практики бывшей Государственной Думы, что там бывало два, а иногда три докладчика. Проф. Карабинов отказывается от предложения, ссылаясь на слабый голос. Д.В. Прилуцкий заявляет, что хотя он и не обладает недостатком Карабинова и имеет достаточно сильный голос, тем не менее не привык говорить в многочисленных собраниях. И.А. Карабинов просит, чтобы докладчиком был сам председатель Отдела высокопреосвященный Евлогий. Председатель собрания соглашается признать необходимым троих докладчиков. Д.В. Прилуцкий обладает громким голосом, его мы и впустим в корень как основного докладчика. После изложенных пререканий три профессора соглашались быть докладчиками”.

Темой следующих заседаний было подробное обсуждение различных аспектов предстоящего доклада (т. е. проекта соборного деяния). Подробно приводить этот весьма интересный материал здесь нет возможности. Любопытно, что некоторая часть выступающих высказывалась за или против *литургических реформ*, в то время как речь шла об упорядочении богослужения. “К прискорбию моему, — говорит архиепископ Евлогий, — я все слышу речи о том, будто бы мы посягаем на богослужебный устав, хотим сломать его. Мы только боремся с тем, что вошло в богослужебную практику как беспорядок, и что следует облагородить, указать, что в пределах наших сил возможно и необходимо исполнять в уставе. Указать общие границы и вехи. Наша задача ввести в церковное богослужение благочиние и благообразие. Если мы сознаем, что должны исполнять устав, но однако не исполняем, потому что его нельзя исполнить, то Собор укажет, что же именно должно подлежать непременно исполнению”.

Обсуждение проблем богослужебного устава продолжается до конца первой сессии Собора. Наконец 25 января 1918 г., уже на второй сессии Собора, были оглашены тезисы, которые являются резюме всей предшествующей дискуссии.

“Совершение богослужения в современной русской церкви страдает многими важными недостатками, причиняющими существенный вред делу Православия и вызывающими справедливые порицания и осуждение. Главнейшими из таких недостатков являются произвольное изменение порядка и состава богослужения (сокращения, вставки и т. п.), а также небрежность в его исполнении. Причины этих недостатков разнообразны. В них повинны часто и совершители богослужения, не всегда достаточно знакомые с Церковным Уставом и часто не обладающие надлежащим пониманием богослужения и развитым литургическим вкусом. Часть вины затем лежит и на молящихся, слабая ревность коих нередко побуждает исполнителей богослужения поступаться строгостью уставных предписаний. Наконец некоторый повод для перечисленных недочетов дает и самый строй нашего богослужения: его устав не всегда и не во всем подходит к условиям современной жизни, равно как и некоторые другие стороны нашего богослужения нуждаются в пересмотре и исправлениях. Сознывая ее средоточия, отдел находит возможным предложить Священному Собору следующий план и меры к упорядочению нашего богослужения.

I. А. Рядовое богослужение.

1. Заповеданный нашим Церковным Уставом богослужебный строй хотя и образовался в окончательном виде в монастырях православного Востока, но его основой послужили богослужебные обычаи соборных храмов Иерусалима и Константинополя, вследствие чего этот Устав не может быть признан чисто монашеским произведением.

2. Как свод богослужебных преданий *двух* важнейших Церквей православного Востока и как произведение многовекового богослужебного опыта действующий Церковный Устав должен быть сохраняем в качестве высшей нормы нашего богослужения.

3. Во всей своей полноте Церковный Устав является трудно исполнимым.

4. Наши монастыри должны по возможности строго соблюдать уставной порядок богослужения с дозволением заменять для тропарей канонов, а также для кафизм пение чтением по принятому обычаю.

5. Что касается мирских храмов, то Церковный Собор, отнюдь не одобряя каких-либо сокращений в Уставе, но снисходя к немощи молящихся и к условиям современной жизни, а также основываясь на истории Устава, знающей случаи смягчения уставных требований, равно как ввиду разрешения самого Устава при некоторых обстоятельствах сокращать богослужение, может допустить известные послабления уставных требований.

6. Для упорядочения рядового богослужения в приходских храмах предлагается:

а) Не допускать замены положенного по Уставу произвольными вставками, например, кафизм акафистами или проповедью, житийных стихир концертом и т. п.

б) Псалтирь стихословить в объеме не менее одной *“Славы”* вместо целой кафизмы. В церквях, где службы не совершаются ежедневно, возможно последовательное чтение всей Псалтири по *“славами”* без отношения к седмичному расписанию стихословия. Во дни великих праздников рядовое стихословие можно заменить чтением или (антифонным) пением особых праздничных псалмов.

в) Чтение шестопсалмия не должно быть сокращаемо; не подобает опускать 50-й псалом и хвалитные псалмы на угрени.

г) Песнопения Триодей и великих праздников должны исполняться без пропусков, хотя бы и без повторений. Во дни воскресные, будничные и в меньшие праздники из стихир на *“Господи, возвах”*, стиховных, литийных, хвалитных должно петь не менее половины положенных как из Охтоиха, так и из Минеи. Отнюдь не должна опускаться на воскресной утрени стихира евангельская, воскресные, тропари по непорочных не должны сокращаться. Должно быть восстановлено уставное пение тропарей, кондаков, степенн и седальнов. Из каждой песни канона должно читать не менее четырех тропарей, хотя бы по одному из каждого канона.

7. В первой части литургии без всякого сокращения надлежит исполнять антифоны Господских праздников, антифоны изобразительные (при невозможности пропеть оба псалма полностью следует читать их), повседневные (в положенные дни) и блаженны со стихами к ним; по входе полностью и в уставном порядке петь тропари и кондаки; строго соблюдать уставное количество апостольских и евангельских зачал на литургии; восстановить пение *“аллилуиа”* по Уставу на гласы аллилуариев с выразительным исполнением последних. Отнюдь не допускается служение полной литургии в неположенные дни св. Четыредесятницы.

8. Богослужение в кафедральных соборах и храмах при духовных учебных заведениях приближается к монастырскому, в домовых к приходскому.

Б. Богослужение внерядовое или частное.

9. Совершение последований частного богослужения, в особенности Таинств, должно быть истовым, благолепным и по возможности должно соединяться со службами рядового круга, главным образом с литургией.

10. Крещение совершается или в храме, или в нарочито устроенных помещениях (крещальнях). В случае совершения крещения в частном доме (что допустимо лишь в самых исключительных случаях) для сего надлежит избрать самую лучшую из комнат.

При совершении крещения надлежит каждый раз освящать воду по указанному в Требнике чину. Замена этого водоосвящения добавлением в купель св. богоявленской воды безусловно запрещается.

Священник всякий раз поучает восприемников о важности и ответственности принимаемого ими на себя долга.

Крещение совершается по правилам Святой Православной Церкви трехпогружательно. Поливательное крещение допускается лишь в самых исключительных случаях “страха ради смертного” в отношении крещаемого младенца.

При публичном совершении крещения (пред литургией в праздники) священник поучает молящихся, объясняя обряды Таинства.

11. Исповедь есть главнейшее средство пастырского воздействия и должна совершаться с особой тщательностью. При массовом стечении желающих причаститься Святых Таин, когда нет возможности совершать для каждого в отдельности чин исповеди (например, в войсках во время походов), допускается так называемая общая исповедь, но с восполнением ее для каждого исповедующегося частною исповедью, состоящею из вопросов о наиболее тяжких грехах, лежащих на совести кающегося, и с прочтением для каждого исповедника разрешительной молитвы и наложением епитимий.

12. Таинство Брака надлежит совершать по возможности сразу после литургии; священнику надлежит располагать брачующихся приступить пред венчанием к причастию Святых Таин. По окончании бракосочетания священник поучает брачующихся словом назидания.

13. Отпевание должно совершаться согласно с изложенным в Требнике чином (замена указанных в Требнике припевов на 17 кафизм припевами из чина панихиды, а также пение трех песней канона вместо девяти не допускается).

Отпевание совершается над каждым православным христианином, в вере скончавшимся; замена отпевания обрядом так называемого “печатания” могилы с совершением чина погребения спустя некоторое время после зарытия тела в землю не допускается.

При следовании погребальной процессии кресты, иконы и другие святыни носят с подобающим благолепием и таким же образом возвращаются в церковь.

14. Служение молебнов по просьбе отдельных лиц должно быть благочинным, согласно с положенными в Часослове последованиями общего молебна. Соединение молебных канонов более чем четырьмя святым не допускается. При обхождении прихожан с праздничным молитвословием, за невозможностью совершать в каждом доме полный молебен, допускается совершение краткого моления по такому чину: начальный возглас, тропарь и кондак празднику или святому, ирмос 9-й песни с припевом (в двенадцатые праздники) или “Достойно есть” (в день памяти чтимых святых), сугубая ектения и отпуст.

II. Меры к упорядочению богослужения.

15. Существующая при Святейшем Синоде Комиссия для исправления богослужебных книг преобразуется в постоянное учреждение, которое, кроме книжного исправления, должно вообще ведать богослужением и решать все относящиеся к нему вопросы.

16. При исправлении богослужебных книг в ближайшую очередь следует пересмотреть текст нашего Типика, так как последнее его исправление было произведено еще в конце XVII в.; при этом пересмотре необходимо предписания о службе русским святым изложить совместно со службами святым вселенским и вставить устав о выносе Плащаницы.

17. Наряду со славянским Типиконом следует издать русский перевод с более полным ясным и общедоступным изложением уставных предписаний, снабженный предисловием, раскрывающим историю и значение Церковного Устава.

18. При новом издании богослужебного Евангелия необходимо соединить вместе и исправить уставные статьи о евангельских чтениях и таблицы этих чтений так, чтобы рядовое чтение Св. Евангелия от Луки непременно начиналось с понедельника седмицы по Воздвижению.

19. В новом издании Миней службы русским святым следует изложить в соответствии с правленным Уставом.

20. При исправлении и редактировании Служебника образованная согласно параграфу 15 Комиссия располагает в чинах литургии тайные молитвы так, чтобы они стояли непосредственно перед возгласами, являющимися заключением молитв.

Возглашение: “Господи, спаси благочестивых и услыши ны” должно быть опущено.

Для поминовения на великом выходе взамен бывших следует напечатать такие поминальные формулы: “Всех вас да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков” (для диакона) “Да помянет Господь Бог всех вас во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков” (для священника).

Евхаристический канон следует напечатать с такой расстановкой знаков препинания, которая ясно обозначила бы грамматическое отношение возгласений к читаемым тайно молитвам, причем вводные часто диаконские “напоминания” должны печататься мелким шрифтом.

Тропарь 3-го часа: “Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа” печатается также мелким шрифтом и ставится перед словами: “еще приносим Ти словесную и безкровную службу и просим и молим” (в Литургии Василия Великого пред словами “Сего ради, Владыко”).

21. В отношении к Третьнику Комиссия, кроме исправления отдельных выражений в молитвах и замены малопонятных речений более понятными, должна еще заняться составлением некоторых новых чинопоследований, вызываемых потребностями современной жизни, а также составить особый чин на погребение диаконов. В книгу молебных пений должен быть внесен новосоставленный чин молебного пения при открытии Всероссийского Церковного Собора и особое новогоднее молебствие.

22. Всякое богослужебное чтение должно совершаться на середине храма, на особом возвышении. Чтение Евангелия допускается лицом к народу.

23. Необходимо принять всевозможные меры к тому, чтобы совершители богослужения знали Церковный Устав; для этого, между прочим, следует поднять преподавание науки о богослужении в Духовных школах, а также озаботиться изданием ежегодников, дающих все нужные уставные указания на каждый богослужебный день.

24. Для привлечения внимания молящихся к богослужению и вообще для поддержания в них сознательного отношения к последнему необходимо издание всякого рода популярных книжек с богослужебными текстами, их переводом, изъяснениями и т. п.

25. Собор обращается с особым посланием к совершителям богослужения, в котором он, с одной стороны, призывая благословение Божие на усердных и истовых его исполнителей, с другой должен призвать всех к точному соблюдению настоящих постановлений”.

На заседании № 23 было постановлено “ввиду того, что все тезисы подвергнуты были подробному и детальному обсуждению в заседаниях отдела и что предложено было (проф. И.А. Карабиновым) внести их еще в минувшую первую сессию заседаний Собора, считать их достаточными и внести в доклад священному Собору”.

Дальнейшая судьба этого доклада не особенно понятна. В 1932 г., когда на одном из эмигрантских благочиннических съездов поднимается проблема уставных сокращений, митрополит Евлогий рассказывает о судьбе этого доклада так: “Святейший Патриарх Тихон не нашел возможным представить этот труд Отдела на обсуждение Пленарного заседания Собора, опасаясь, что санкция Собора в вопросе сокращения церковной службы может вызвать соблазн у верующих”. Любопытно, что выслушав рассказ митрополита Евлогия один из участников совещания указывает на “возможные затруднения со стороны старообрядцев, которые особенно дорожат уставностью церковных служб”. В своих мемуарах митрополит Евлогий дает несколько иную версию: “Митрополит Тихон, председатель Соборного президиума, нашему проекту ходу дать не захотел, опасаясь нареканий, главным образом со стороны старообрядцев. С ними в те дни наметились пути сближения, и намерение Собора изменить Церковный Устав могло встретить с их стороны энергичный отпор: за Устав они готовы были умереть”. Вероятно противоречие объясняется тем, что окончательный вариант приведенного выше доклада был принят в начале второй

сессии Собора, в работе которой митр. Евлогий участия не принимал, т. е. последняя редакция этого доклада принималась уже без него. Вероятно, арх. Евлогий обсуждал с Патриархом предварительную редакцию этого доклада. Окончательный же вариант был рассмотрен Совещанием епископов 16 (28) августа 1918 года. Было решено не выносить этот доклад на соборное обсуждение, “но напечатать на пишущей машинке и разослать Преосвященным в качестве приблизительного руководства по вопросу об уставном сокращении”.

Приведем здесь также свидетельство епископа Ковровского Афанасия (Сахарова), который принимал участие в работе Собора. “Доклад *Об упорядочении богослужения* не был обсужден в пленарном заседании Священного Собора ввиду прекращения его работы. Но на последнем заседании Священный Собор сделал распоряжение о передаче всех нерассмотренных докладов, в том числе и доклада об упорядочении богослужения, в Священный Синод. Последний в одном из первых своих заседаний рассмотрев доклад “Об упорядочении богослужения”, как наиболее жизненно необходимый, — по благословению патриарха Тихона постановил разослать его во все епархии для руководства”. Т. е., по мнению еп. Афанасия решение о рассылке текста этого доклада по епархиям было принято не Епископским Совещанием Собора, а Синодом. Других свидетельств об обсуждении этого доклада Синодом в послесоборное время у нас нет.

Печатается по изданию: “Российский Православный Университет им. ап. Иоанна Богослова. Ученые записки. Выпуск I. М., 1995.”